

Н.А. Балаклеец,
Самарский государственный технический университет

«ВОЙНА ПАМЯТИ»: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА

В контексте характерных для современного общества способов решения политических конфликтов рассматриваются особенности «войны памяти» (мемориальной войны). Проводится сопоставление войны памяти со стихийными коммеморативными практиками и информационной войной. Эксплицируются широкий и узкий аспекты использования концепта «война памяти».

Ключевые слова: история, коммеморация, политика, война памяти, мемориальная война, информационная война, дискурсивные практики.

N.A. Balakleets,
Samara State Technical University

«MEMORY WAR»: PROBLEMATIZING THE CONCEPT

The article discusses the features of the “memory war” (memorial war) in the context of the methods of political conflicts resolving in the modern society. A comparison of the memory war with spontaneous commemorative practices and information war is made. Broad and narrow aspects of the use of the concept of “memory war” are explicated.

Keywords: history, commemoration, politics, memory war, memorial war, information war, discursive practices.

Противоборство в знаково-символической сфере является неотъемлемым компонентом любого военно-политического конфликта. Война – это не только состязание военной мощи политических акторов, но и конкуренция ценностно-мировоззренческих установок, социально-политических и социокультурных идентичностей, способов интерпретации реальности различными сторонами конфликта. Это соревнование социально-политических конструктов, каждый из которых претендует на право выступать в качестве эффективного и эпистемологически достоверного средства описания социальной реальности.

В современном информационном обществе фактор воздействия на сознание при реализации военно-политических целей возрастает. Совершенствуются технологические средства, служащие проводниками информационного воздействия.

Осмысление того, что насилие может иметь не только физическое, но и символическое измерение, представлено в современных философских концепциях (М. Фуко, Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижек и др.).

Значимость несиловых способов реализации политических целей привела к выделению целой группы неклассических способов вооруженного противоборства. В орбиту исследований вовлекаются гибридные войны, информационные войны, экономические войны, консциентальные войны, кибервойны и другие способы разрешения военно-политических конфликтов [1]. Возникновение целого ряда метафоризированных терминологических конструктов, которые могут быть объединены в концептуальное поле «война без войны», обусловлено осознанием политического значения и деструктивного потенциала невоенных средств противоборства.

Особое место среди выделяемых современными исследователями противостояний, разворачивающихся в знаково-символической плоскости, занимают «войны памяти» (мемориальные войны) [2, с. 63; 3]. За данной метафорой скрывается несиловой способ реализации политических целей, особенности которого требуют специального исследования. «Война памяти», в отличие от стихийно иницируемых мемориальных практик, представляет собой инструмент планомерно проводимой политики. Перефразируя классический афоризм Клаузевица, мемориальную войну можно трактовать как продолжение традиционной войны иными средствами. Данный конфликт разворачивается *post bellum*, в ситуации, когда завершено вооруженное противостояние сторон, определены причины войны, акторы, виновные в ее развязывании, победитель и побежденный. Однако с течением времени, с изменением политической конъюнктуры возникают новые способы интерпретации событий уже завершенной войны. Мишенью мемориальной войны являются элементы коллективной памяти, которые целенаправленно конструируются историческими нарративами для реализации определенных политических целей. Таким образом, речь идет не о стихийных, но сознательно направляемых процессах переопределения прошлого, обусловленных задачами актуальной политики.

События прошлого инкорпорированы в живую ткань настоящего. Однако далеко не все из них способны сохранять свою значимость и суггестивную силу на протяжении длительного времени. Наряду с практиками удержания феноменов прошлого в коллективной памяти реализуются и практики «активного забвения» (П. Рикёр) [4, с. 620]. При этом конструирование прошлого не тождественно его искажению. Признание конструктивной природы коллективной памяти призвано подчеркнуть активную роль человека в ее функционировании. «Конструкт»

не является искажением изначально заданной, готовой реальности, но выступает средством ее производства.

Уже завершенная война, выступающая объектом «мемориальных баталий», приобретает новые черты. Мемориальная война как дискурсивная стратегия представляет собой не только «войну после войны», но и «войну» за право судить о войне. Это означает, что интерпретация событий и фигур военного времени является открытой и влияет на понимание феномена, обладающего хронологической определенностью. Одна и та же война в различных дискурсивных практиках может приобретать черты сакрального героического действия или национальной трагедии, одни и те же исторические фигуры могут наделяться диаметрально противоположными чертами. Амбивалентность трактовки исторических событий возможна как в рамках интерпретативных матриц, производимых конкурирующими политическими акторами, так и в сменяющих друг друга политических конструктах, выстраиваемых на разных этапах развития одного и того же государства. Избирательность коллективной памяти проявляется в вариативности феноменов коммеморации (военачальники и рядовые, герои и предатели, победители и побежденные, палачи и жертвы), возможности выбора перспективы, исходя из которой конструируются коммеморативные практики. Политическое значение может приобретать присвоение права на дискурс от имени того актора, который в силу целого ряда причин не способен на производство собственного дискурса. Манипулятивный характер подобного субститутивного («замещающего») дискурса раскрывается П. Рикёром при обращении к феномену «присвоения безмолвного слова жертв» [4, с. 130].

«Войну памяти» следует отличать не только от стихийно выстраиваемых коммеморативных практик, но и от информационной войны. С нашей точки зрения, отличие между информационной и мемориальной войной обнаруживается во временных модусах, события которых должны получить онтологическую и политическую определенность. Информационная война ведется за право определять настоящее и тем самым влиять на будущее. Целью мемориальной войны является право определять (интерпретировать) прошлое и тем самым оказывать влияние на настоящее и будущее.

Вместе с тем концепт «война памяти» охватывает далеко не все возможности политически значимой коммеморации. Он раскрывает деструктивный компонент коммеморативных практик политических противников, угрозы «мемориальному суверенитету» моего государства. Насколько этически оправданным является признание собственного государства инициатором «войн памяти»? В том случае если моя исследовательская позиция не является онтологически внеполо-

женной по отношению к политическому бытию моего государства, историческое сознание моих сограждан рассматривается как мишень мемориальной войны. Очевидно, что концепт «война памяти» имплицитно угрожает тому социально-политическому единству, к которому я себя отношу и которое вынуждено давать адекватный ответ на эту угрозу. Мемориальная война может быть инициирована не только политическими акторами, враждебными по отношению к моему государству, но и «так называемыми мемориальными группами, требующими легитимации именно своей версии памяти» [3, с. 105]. Если я признаю войну памяти элементом политики моего государства, не проявляя при этом экзистенциальной отчужденности от этой политики, то тем самым я признаю вынужденный характер его участия в этой войне.

Эпистемологический компонент мемориальной войны заключается в посягательстве на разделяемую обществом и поддерживаемую государством истину о войне. С нашей точки зрения, следует выделить два аспекта употребления концепта «война памяти». В широком смысле речь идет о противоборстве дискурсивных практик, преследующих политические цели и конституирующих или разрушающих ключевые элементы исторического сознания нации. В узком смысле концепт «война памяти» обозначает систему политически обусловленных деструктивных дискурсивных практик, направленных на разрушение системы укорененных в коллективной памяти представлений о событиях минувшей войны.

Список литературы:

1. Балаклеец Н.А. Война и государство в современную эпоху // Социодинамика. 2019. № 12. С. 103–110. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31227>.
2. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59–96.
3. Кудряшова Е.В., Макулина Е.Ю. Войны памяти и война с памятью, мемориальный суверенитет: подходы, концепции, разработки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, № 6. С. 100–111.
4. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.